

были бы лишены права продолжать торговлю, это имело бы несомненное влияние» (л. 151). Генерал, таким образом, обращал внимание на нерешительность и неэффективность властей.

Другие, напротив, подчеркивали, что административное вмешательство в ценообразование приносит только обострение дефицитов и фактически только подгоняет развитие теневой экономики. Интересно отметить, что на совещании прозвучали предложения ввести в губернии продовольственную разверстку, т. е. установить для всех крестьянских и частновладельческих хозяйств нормы обязательной поставки продукции и при этом по твердым ценам. Правда, такая разверстка мыслилась как мероприятие ненасильственного характера, о введении принудительного изъятия у крестьян излишков продукции речь не шла. Разверстка понималась как жесткое задание всем уездам и волостям по закупке продовольствия, причем действовать местные власти должны были прежде всего методами убеждения. Следовало разъяснять крестьянам необходимость обязательных поставок продовольствия по твердым ценам ради обеспечения победы, ради поддержки их отцов, сыновей и братьев, одетых в солдатские шинели.

Январское совещание так и не выработало конструктивной программы борьбы с дефицитами и с ростом спекуляции. В 1916 г. негативные тенденции в экономике губернии продолжали нарастать. Политика жесткого регламентирования цен сохранилась, и осенью 1916 г. хлебная биржа в Воронеже перестала действовать. Между тем хлеб в России был. Его было вполне достаточно для снабжения городов и армии. За 1914–1916 гг. в стране было собрано свыше 13,5 млрд пудов продовольственного и кормового зерна и это количество способно было обеспечить все потребности¹⁰. Но при этом в городах непрерывно

нарастало социальное напряжение, обусловленное главным образом перебоями в торговле и постоянными слухами о надвигающемся голоде. Как известно, февральские события 1917 г. в Петрограде разыгрались именно на фоне возмущения продовольственной угрозы. Для всех оппозиционных сил просчеты власти в грозное время войны оказались бесценным подарком.

Аналогичная картина наблюдалась и в других городах России. Ближайшим следствием такого положения дел стало быстрое нарастание политического кризиса, разрешением которого и стало крушение монархии.

Примечания

- ¹ Карпачев М.Д. Столыпинская реформа в Воронежской губернии: итоги и уроки аграрного реформирования // *Общественная жизнь в Центральной России в XVI – начале XX в.* Воронеж, 1995. С. 169.
- ² Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 21. Оп. 1. Д. 2207. В дальнейшем ссылки на этот документ даются в тексте статьи только с указанием номера листа.
- ³ Обзор Воронежской губернии за 1915 год. Воронеж, 1916. С. 21–22.
- ⁴ См.: Памятная книжка Воронежской губернии на 1915 г. Воронеж, 1916. С. 135.
- ⁵ Обзор Воронежской губернии за 1915 год. Воронеж, 1916. С. 12.
- ⁶ См.: Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов, 2004. С. 227.
- ⁷ Шаховской Дм. Крестьянское хозяйство и война // *Вестник сельского хозяйства.* 1914. № 34. С. 13.
- ⁸ ГАВО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 405. Л. 33.
- ⁹ Щербинин П.П. Указ. соч. С. 246.
- ¹⁰ См.: Китанина Т.М. Война, хлеб и революция. Л., 1985. С. 26.

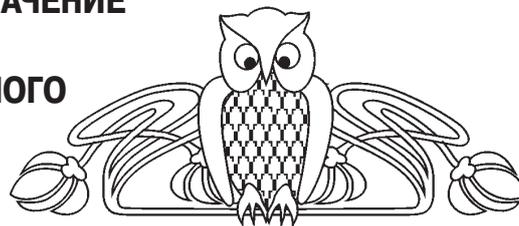
УДК [9:343.3] (470-89) «1905»+929

«ЕГО ПОЛИТИЧЕСКОЕ И НРАВСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕ ДЛЯ ВСЕЙ СТРАНЫ...»: ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА НАД УЧАСТНИКАМИ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ

Ю. В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: ybartho@mail.ru

Статья посвящена малоизученной странице истории судебного процесса над матросами – участниками Севастопольского восстания 1905 г. В статье анализируется тактика защиты подсудимых матросов, организатором и руководителем

которой выступил лидер синергии «молодая адвокатура» Н. К. Муравьев. При этом особое внимание автора сосредоточено на оригинальном приеме защиты, впервые примененном Муравьевым и его коллегами. Вместо речи в судебном заседании политические защитники выступили с обращением к членам Первой Государственной Думы России с просьбой об амнистии всех участников восстания. Кроме того, отмечается роль и значение письменных воспоминаний подсудимых о Севастопольском

восстания, которые они подготовили во время своего пребывания под стражей. В статье сделан вывод о том, что благодаря деятельности представителей «молодой адвокатуры» удалось выявить нарушения законности в ходе судебного процесса, привлечь внимание общественности и добиться смягчения мер наказания для обвиняемых матросов.

«Its Political and Moral Importance for the Whole Country Comprehensively...» (The Politician-Legal Collisions of the Lawsuit on Participant Sevastopol Rebellion)

Yu.V. Varfolomeev

The Article is dedicated to unknown page to histories of the lawsuit on sailor – a participant of Sevastopol rebellion of 1905. In article is analysed tactics of protection defendant sailor, organizer and leader which has been the leader to synergies «Molodaya Advokatura» N.K. Muraviev. At emphases of the author concentrated on original acceptance of protection, for the first time applying Muraviev'evym and his colleague. Instead of speech in judicial meeting political protectors have emerged with Address to member of the Pervoy Gosudarstvennoy Dumy to Russia with request about amnesties all participant rebellion. Besides, is noted role and importance of written recollection defendant about Sevastopol rebellion, which they have prepared during its stay under guards. Conclusion is made In article about that that due to activity of the representatives «Molodaya Advokatura» manage to reveal the breaches to legality in the course of lawsuit, attract attention to public and obtain the softenings of the measures of the punishment for inculpated sailor.

События, которые привели на скамью подсудимых 37 нижних чина 32-го флотского экипажа крейсера 1-го ранга «Очаков», а также студентов Новороссийского университета А. В. Пятин, П. А. Моишеева и крестьянина Г. П. Ялинича, начали разворачиваться 8 ноября 1905 г. Мятеж очаковцев датируется 11–15 ноября 1905 г., обвинительный акт прокурор военно-морского суда полковник А. И. Крамаревский подписал 11 января 1906 г., судебное разбирательство началось 7 февраля, а 18-го был оглашен приговор. Центральной фигурой процесса стал «уволненный от службы, бывший лейтенант флота» Петр Петрович Шмидт.

Морской министр А. А. Бирилев 19 декабря телеграфировал Главному командиру Черноморского флота вице-адмиралу Г. П. Чухнину: «Государь повелел выделить дело Шмидта из прочих дел и вести его наискорейшим образом. Скажите Крамаревскому, что если он осмелится потерять хотя бы один день, то будет уволен со службы. Государь уже дважды спрашивал, когда кончится дело»¹. Прокурор А. И. Крамаревский спешил изо всех сил, но даже формальные допросы многочисленных обвиняемых, а также свидетелей требовали времени. Петербург же не хотел считаться ни с чем. 24 декабря Бирилев вновь шлет Чухнину телеграмму: «Вчера опять после доклада у Государя о состоянии Черноморского флота Его Императорское Величество спросил меня: “Когда, наконец, будет покончено с этим

изменником?” Еще раз прошу Вас поэтому скорее закончить дело»².

В связи с этим срочно началось разделение обвиняемых на группы. В первую из них вошла наиболее активная часть очаковцев в составе 41 человека во главе со Шмидтом. Их предали суду в первую очередь. Вторую группу составили команды остальных мятежных судов. Третью и четвертую группы – матросы и солдаты – участники восстания на берегу, а в последнюю группу входили гражданские лица.

Адмирал Чухнин, чувствуя себя неуверенно в усмиренном Севастополе, ходатайствовал перед командующим Одесским военным округом бароном Каульбарсом о том, чтобы не проводить суд в самом мятежном городе. «Суд в Севастополе привлечет в этот город массу нежелательного элемента, – аргументированно докладывал он Каульбарсу, – и, возможно, будут какие-нибудь демонстрации и беспорядки, чего надо избежать в крепости при настоящем положении неустойчивости умов в политическом отношении некоторой части жителей. Также прошу Ваше высокопревосходительство, в случае согласия на эту мою просьбу и назначения суда над лейтенантом Шмидтом и другими преступниками в Очакове, в случае смертного приговора Шмидту, привести оный в исполнение в очаковской крепости»³.

Как и предполагал адмирал, руководителя мятежа и трех зачинщиков из числа матросов после завершения судебного разбирательства по первой группе обвиняемых расстреляли весной 1906 г., а в июне этого же года начался процесс над остальными 360 участниками восстания, разделенных, в свою очередь, еще на три группы.

Судебные слушания по первой из трех групп, в которую входили 93 человека начались 4 июня 1906 г. в помещении экипажного суда в Лазаревских казармах в Севастополе. «Защиту вели крупные московские и петербургские адвокаты во главе с Н. К. Муравьевым»⁴, – вспоминал сын одного из защитников И. Л. Андроников. Судебный процесс начался достаточно эмоционально и бурно. «Защита возбудила ходатайство о слушании дела полностью 360 подсудимых, – докладывал шифрованной телеграммой Главному военно-морскому прокурору полковник Ронжин. – Суд отказал. Некоторые подсудимые отказались от присутствия в суде, заявив, что не признают законов, по которым их судят, самого суда, после чего гражданская защита полностью покинула зал. Подсудимые произвели шум и были удалены председателем, кроме 9 человек, пожелавших остаться в суде»⁵.

В телеграмме речь шла о заявлении двух подсудимых Н. Ф. Кассеинова и Кирюхина, которые мотивировали свое нежелание присутствовать в процессе тем, что защита стеснена, а их судят на основании закона, предусматривающего смертную казнь после того, как Государственная дума выступила против ее применения. Причем это

ходатайство последовало после того, как заявления Муравьева и шести его коллег о незаконном порядке предания суду и о незаконности слушания дела о восстании по частям были оставлены судом без внимания.

На этом процессе и сам лидер защиты и каждый из его коллег «настолько пропитывался побуждениями и входил в психологию действующих лиц, – вспоминал Муравьев, – что становился как бы участником события и соучастником обвиняемых (подчеркнуто мною. – Ю. В.). Он совершенно сживался со скамьей подсудимых»⁶. Эту мысль, как нельзя лучше иллюстрирует следующий эпизод. После того, как по указанию суда, опасавшегося эксцессов со стороны обвиняемых, часть зала была отгорожена решеткой, за которую и были помещены подсудимые, адвокаты «вместе с ними вошли в эту клетку»⁷.

Кульминацией противостояния магистратуры и прокуратуры, с одной стороны, и подсудимых и их адвокатов – с другой, стал момент, когда в зал суда не допустили свидетелей, вызванных для дачи показаний защитой. После этого почти все обвиняемые, за исключением 9 человек, «отказались отвечать на вопросы суда, и суд их удалил. Вместе с ними ушли и защитники»⁸, – так описал этот эпизод со слов отца Ираклий Андроников. «Создалась коллизия, граждане, говорившие именем народа, и обветшавшие законы и отжившие, мертвые мысли, – рассуждал по этому поводу политический защитник Н. Н. Полянский и задавался вопросом. – Мог ли эту коллизию разрешить формальный суд? Оставался только один выход – тот, которого требовали подсудимые – уйти»⁹. Трудно согласиться с будущим советским профессором-юристом в его оценке законов Российской империи, как «обветшавших», и в том, что мятежные матросы действовали от имени народа. «Потрясенные величием совершающегося, героической решимостью людей, жертвующих жизнью за идею, которой они прониклись, – несколько патетично, но искренне говорил Муравьев, – мы должны были последовать примеру обвиняемых: мы должны были вместе с ними устранить себя из процесса. Понятная каждому невозможность защиты при таких условиях уничтожила последнее сомнение. Мы ушли...»¹⁰.

Демонстративный выход адвокатов из процесса стал к тому времени одним из традиционных методов политической защиты. Но на этот раз Муравьев и его товарищи вынуждены были покинуть зал заседания вслед за своими подзащитными, которые не соглашались остаться в нем, несмотря на все уговоры и доводы защиты о том, что при разборе дела могли бы выясниться несправедливости, которые толкнули матросов на восстание. В ответ на это матрос Кассеинов написал Муравьеву о том, что для них юридические формальности имеют мало значения: «... всевозможные ссылки сторон, выраженные нумерацией статей, о которых никто из нас не только не имеет

представления, что в них говорится, но и не знает о их существовании, да и слишком трудно нашему брату разбираться со всеми юридическими тонкостями в справедливости или несправедливости, – у нас в этом отношении лучший юрист – сердце, которое не совсем еще замуравано от доступа к нему человечности...»¹¹. Поэтому протест против царского суда, выраженный подсудимыми «от всего сердца», был для них более понятен и приемлем.

В создавшихся условиях Муравьев был вынужден заявить суду от имени защиты о том, что они лишены возможности защищать подсудимых и уходят. Впоследствии в обращении к членам Первой Государственной думы он представил этот демарш как политический вызов режиму, как противоборство представителей «старого» и «нового» мира, выразившееся в том, что подсудимые «... не могут более принимать участия в том, что сторонникам старого отживающего режима угодно называть судом, но где для них, представителей нового мира, воспринявших идею истинного правопорядка, места нет, места быть не должно»¹².

Подобное революционно-популистское противопоставление «истинного правопорядка» легитимному институту магистратуры в устах профессионального юриста выглядит довольно странно. Возможно, этот несколько необычный тон его речи объясняется тем, что он обращался в данном случае к депутатам, а не к судьям. «Но соответствовало ли это в какой-то степени его убеждениям, или он дал себя увлечь риторикой исторического момента? – задается закономерным вопросом Т. И. Угрюмова, и находит такое объяснение. – Безусловно, он восставал против грубых судебных злоупотреблений, проявившихся при подавлении революции; но и профессионально, и по складу характера не в революционном правопорядке, а в лучших традициях и **культуре** русского суда видел он защиту от судебного произвола, о чем высказывался неоднократно...»¹³.

Процесс над севастопольскими моряками проходил во время работы Первой Государственной думы. Депутаты активно обсуждали вопрос об амнистии и единогласно приняли законопроект об отмене смертной казни. Учитывая эти обстоятельства, Муравьев предложил коллегам сделать необычный и смелый шаг. Вместо речи в заседании суда он посчитал возможным выступить с обращением к Первой Государственной думе в защиту подсудимых. Эта идея была поддержана, и адвокаты, не сомневаясь в успехе, отправились в Петербург, оставив в суде только одного «дежурного» адвоката П. И. Корженевского для контроля за дальнейшим ходом процесса.

Тем временем в столице лидер защиты Муравьев обратился к членам Государственной думы с просьбой об амнистии всем участникам восстания. Его выступление даже на фоне популярных оппозиционных настроений прозвучало достаточно

дерзко с недвусмысленным порицанием «...всеми осужденного, всем ненавистного режима»¹⁴. Но мыслил он более широко и заявил, что «к заботам об участии подсудимых для защитников-граждан присоединилась трудная задача: вместе с подсудимыми извлечь из случайной судебной формы скрытый за ней исторический материал и показать стране всю глубину и все значение совершившегося исторического события»¹⁵.

Адвокат обратил внимание депутатов на то, что вместо закона, для этого дела упраздненного, события на этом процессе развивались под диктовку двух представителей севастопольских властей – главного командира флота адмирала Г. П. Чухнина и коменданта крепости генерала В. С. Неплюева. «При нашем участии хотели сотворить расправу над людьми, брошенными на скамью подсудимых без всякого разбора, без необходимого, требуемого законом обряда предания суду...»¹⁶, – констатировал Муравьев.

Пожалуй, самое главное, что хотел донести своим обращением к народным представителям лидер севастопольской защиты, было стремление не допустить «ужас массового убийства». Именно это, по мнению Муравьева, делало процесс исключительным. «Его политическое и нравственное значение всеобъемлюще для всей страны и по другому основанию, – считал он. – Участники ноябрьских событий носят в себе уверенность, что они, выставляя свои ноябрьские требования, делали общенародное дело; это дает им глубокое основание своей правоты, это ставит их дело на недостижимую высоту. Жертвуя собой, они боролись **за интересы народа**, считая **его** дело **своим** делом». В заключение, обращаясь к депутатам, а в их лице и ко всему народу, он пожелал, чтобы теперь о судьбе подсудимых-моряков позаботился весь народ, пусть теперь «...весь народ сочтет их дело своим делом и свяжет их участь со своей участью. Только такое вмешательство спасет их. Отныне севастопольские узники вверяют свою судьбу русскому народу в лице его представителей»¹⁷, – подытожил он.

Однако политическая ситуация изменилась кардинальным и драматическим образом. 9 июня Государственная дума была распущена. Официальное обращение Муравьева к высшему представительному органу страны, упраздненному царским указом, повисло в воздухе. Судьбу «севастопольских узников» их защитники вверили в руки представителей народа, но после 9 июня оказалось, что политическая судьба самих депутатов теперь оказалась в опасности, а после «Выборгского воззвания» бывшие народные избранники сами стали клиентами «молодой адвокатуры». В то же время в отсутствие защиты подсудимым-морякам был вынесен крайне суровый приговор: четверо были приговорены к смертной казни, 32 человека – к ссылке на каторгу, 50 – тюремному заключению и только 7 человек были оправданы.

На этот приговор 31 июля 1906 г. защитниками была принесена кассационная жалоба, «разросшаяся в целую монографию, – уточнял Полянский, – охватывавшая все стадии процесса...»¹⁸. Прежде всего она содержала критику предварительного следствия. Во-первых, некорректным было уже то, что следствие было поручено особой следственной комиссии, которая была образована из офицеров флота и гарнизона, «только что переживших то, что потом в обвинительном акте было охарактеризовано как восстание против властей, то есть против того же самого офицерства, – пояснял двусмысленность ситуации Полянский. – Во главе комиссии стоял командир саперной роты, которая вся целиком присоединилась к мятежу»¹⁹.

Во-вторых, материалы предварительного следствия предъявлялись обвиняемым для ознакомления не целиком, а в извлечениях – по выбору членов комиссии. Таким образом, подсудимый не мог составить полного и объективного представления по существу предъявленного обвинения.

В-третьих, основная правовая коллизия заключалась в том, что 36 человек были преданы суду по законам военного времени приказом коменданта Севастопольской крепости генерала Неплюева «по соглашению» с главным командиром Черноморского флота. В то время как по закону от 9 мая 1905 г. органом предания суду лиц, обвиняемых по ст. 100 Уголовного уложения, согласно ст. 117 Военно-морского судебного устава мог быть только управляющий морским министерством. Без соблюдения этого положения «сидящие за судейским столом – не судьи, занимающие скамьи обвиняемых – не подсудимые»²⁰, – утверждал Муравьев.

Следовательно, в этой ситуации «вся юридическая конструкция предания суду должна быть сведена к юридическому абсурду, к незнанию законов, или даже к умышленному их игнорированию во вред престижу власти и интересам правосудия»²¹, – отмечалось в кассационной жалобе.

В-четвертых, адвокаты обратили внимание на то, что все дело по Севастопольскому восстанию было искусственно разделено на четыре части, четыре отдельных судебных разбирательства, по каждому из которых проходила одна из четырех групп обвиняемых. Но всем четырем группам приписывался общий преступный умысел и согласованные преступные действия. При такой организации судебного разбирательства, аргументированно заявляли в кассационной жалобе адвокаты, нельзя было доподлинно выяснить, какую роль играл каждый из соучастников в выполнении преступных действий, определить конкретную степень участия и меру ответственности каждого из них²².

В-пятых, в приговоре, по мнению адвокатов, были смешаны понятия восстания с намерением нарушить долг службы и военного подчинения с мятежом, подрывающим государственные устои.

Кроме того, в приговоре не было указано в каких именно насильственных действиях выразились «насильственные посягательства» конкретных обвиняемых. Другими словами, приговор, как утверждали кассаторы, «настолько противоречит закону и юридической логике, что мог служить классическим примером смешения различных уголовных конструкций, которые не дают даже возможности разобраться в конкретной виновности подсудимых»²³.

Наконец, наряду с формальными нарушениями судом были допущены и грубые процессуальные нарушения закона. Приговор не был объявлен публично в зале суда, а был зачитан в камерах арестного дома, причем в отсутствие прокурора. Кроме того, больным из числа подсудимых, находившимся в госпитале, он вообще не был объявлен.

Но эта кассационная жалоба в Сенат не поступила. Назначенный вместо убитого адмирала Чухнина новый командир флота Н. И. Скрыдлов воспользовался предоставленным ему правом подтверждения приговора и самостоятельно рассмотрел кассационную жалобу. Имея в виду требования, изложенные защитниками подсудимых, и не желая усиливать социальную напряженность в гарнизоне и на судах флота, и без того накаленную прошедшим судебным разбирательством и подстрекательской агитацией радикальных партий, он существенно смягчил меры наказания, назначенные приговором. Адмирал Скрыдлов заменил смертную казнь четверым матросам 20 годами каторги, а для большей части остальных осужденных снизил меру наказания на одну треть.

Вместе с тем сразу после завершения первой части судебного разбирательства власти решили форсировать события и провести один большой процесс над всеми оставшимися группами обвиняемых. Правда, этому воспротивился председатель суда. Неизвестно, чем бы закончились эти препирательства, но в дело вмешались революционеры. Из канцелярии суда было похищено и уничтожено многотомное следственное дело. Подозрение на соучастие в этом преступлении пало и на адвокатов. «Место хранения дела было известно всем защитникам и некоторым из подсудимых гражданским лицам, которые допускались в канцелярию для обозрения дела», – докладывал в столицу своему начальнику прокурор Ронжин. Как оказалось, в своих подозрениях он был прав. Спустя несколько лет, уже при советской власти, этот «подвиг» социал-демократов был с гордостью удостоверен: «По делу второй группы партийная организация устроила похищение и уничтожение многотомного следственного производства из помещения суда»²⁴, – подтвердил И. Н. Мошинский в 1927 г. Хотя он и не назвал фамилии участников похищения документов, скорее всего, информацию о месте их нахождения похитителям сообщил, как это и предполагал прокурор, один из защитников. Логично предпо-

ложить, что это были, вернее всего, адвокаты, близкие к революционным кругам, и, наиболее вероятно, один из них – социал-демократ (меньшевик) Н. Д. Соколов.

В связи с утратой материалов дела в августе 1906 г. было возобновлено предварительное следствие, которое закончилось в октябре. На этот раз суду были преданы 260 человек, в том числе 19 гражданских лиц по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 109 Военно-морского устава о наказаниях, ст. 110 Воинского устава о наказаниях, ст. 51 и 100 Уголовного уложения. Процесс проходил с 24 октября по 13 ноября 1906 г. Судебные слушания проходили при закрытых дверях в одном из корпусов флотских казарм. На первом же заседании большая группа подсудимых во главе с И. П. Вороницыным бойкотировала суд и была удалена с процесса. «Защитники прокламируют свою солидарность и тоже покидают зал, – вспоминал Вороницын. – Заседание закрывается...»²⁵. На дальнейших заседаниях суда присутствовала небольшая группа подсудимых и казенных защитников. Суд приговорил троих к смертной казни, 60 – к каторжным работам на срок от 4 до 20 лет, 104 – к исправительным арестантским отделениям, 47 – к отдаче в исправительные батальоны или роты²⁶. Так, в несколько этапов закончился грандиозный судебный процесс над участниками Севастопольского восстания.

Реминисценция. Восставшие матросы повторили судьбу декабристов, сосланных на каторгу. Как известно, вслед за мятежными дворянами в Сибирские глубины последовали их жены. Поразному сложилась их дальнейшая судьба – у кого-то под трогательно-романтической «звездой пленительного счастья», а у кого-то закончилась семейной драмой. И, вот, спустя 80 лет подвиг жен-декабристов повторила простая русская девушка – Наталия Петровна Кассеинова – жена осужденного на 20 лет каторги матроса. В 1907 г. она поехала за ним на «Амурскую колесную дорогу»²⁷. Правда, на этом возвышенно-благородные параллели резко обрываются. Обладанный приездом молодой жены, революционер Кассеинов забрал все ее деньги и бежал с каторги, оставив «декабристку XX века» в глухом кандалном краю на произвол судьбы²⁸.

Через некоторое время с большим трудом ей все-таки удалось вернуться на родину – в Харьков, но все эти годы ее положение оставалось крайне бедственным. Наконец, летом 1912 г., случайно узнав из газет о приезде в Харьков известного политического защитника, адвоката ее мужа – Н. К. Муравьева, она с трудом нашла его адрес и в последней надежде написала ему письмо. «Зная вашу доброту, я обращаюсь к Вам как к хорошему защитнику войти в мое положение и помочь мне, – писала она Муравьеву, – ибо я в настоящее время лежу больная, все заложила и не знаю, что будет со мной, лишать себя жизни еще жаль, ведь мне всего 29 лет. Неужели мне не помогут добрые

люди», – с отчаянием вопрошала она, издавая крик о помощи. – Помогите Николай Константинович ради Бога, на Вас одна надежда»²⁹.

Это обращение, на мой взгляд, весьма показательно. Как видим, лидеру «молодой адвокатуры» приходилось защищать и помогать материально не только подсудимым борцам с царизмом, но, и, как в этом случае, их женам и родственникам. Можно не сомневаться в том, что Муравьев откликнулся на этот горький призыв и пришел на помощь обездоленной и отчаявшейся женщине – это было в его правилах.

Но в данном случае интересен и тот безмолвный вывод правозащитника, запечатленный красным карандашом на маленьком письме убитой горем женщины. Вполне возможно, этот листок мог бы затеряться среди кипы бодрых, пространных и революционно-правильных посланий ее мужа адвокату Муравьеву, но адресат сделал для себя из всей этой истории однозначный и лаконичный вывод: «ЭПИЛОГ»³⁰, а о матросе-герое Кассеинове предпочитал больше не вспоминать.

Примечания

- 1 Цит. по: Черкашин Г. А. Клянусь Землей и Солнцем: Роман-хроника. Л., 1978. С. 205. В письме к матери от 17 ноября 1905 г. Николай II сообщал: «Какой-то прогнанный со службы офицер – бывший лейтенант Шмидт – провозгласил себя командиром “Очакова”, но после боя бежал, переодетый матросом, и был пойман. Его, конечно, придется расстрелять!» В ответном послании вдовствующая императрица Мария Федоровна назвала П. П. Шмидта «подлецом» и «канальей», с которым «церемониться не надо» (цит. по: Красный архив. 1927. Т. 22. С. 175, 179).
- 2 Лейтенант П. П. Шмидт. Воспоминания сестры. М., 1923. С. 9.
- 3 ЦГА ВМФ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 91. 1905–1906. Л. 32.
- 4 Андроников И. Л. Рукописи Ленинской библиотеки // Наука и жизнь. 1969. № 11. С. 23.

- 5 ЦГА ВМФ. Ф. 407. 1906. Д. 78. Л. 30.
- 6 РГАЛИ. Ф. 210. Оп. 1. Д. 13. Л. 7(об).
- 7 Андроников И. Л. Указ. соч. С. 23.
- 8 Там же.
- 9 Полянский Н. Н. Царские военные суды в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1958. С. 75.
- 10 Семейный архив Волковых (далее – САВ). Цит. по: Муравьев Н. К. Обращение к Первой Государственной Думе в защиту рядовых участников Севастопольского восстания (Вместо речи в заседании суда) // «Стой в завете своем...». Николай Константинович Муравьев: Адвокат и общественный деятель. Воспоминания, документы, материалы. М., 2004. С. 77.
- 11 ОР ГМТ. Ф. 436. Карт. 8. Ед. хр. 8. Л. 17.
- 12 Муравьев Н. К. Указ. соч. С. 77.
- 13 «Стой в завете своем...» С. 280.
- 14 Муравьев Н. К. Указ. соч. С. 76.
- 15 Там же.
- 16 Там же.
- 17 Там же. С. 78.
- 18 Полянский Н. Н. Указ. соч. С. 75.
- 19 Там же.
- 20 Муравьев Н. К. Указ. соч. С. 76.
- 21 ЦГА ВМФ. Ф. 407. 1906. Д. 78. Л. 82.
- 22 Там же.
- 23 Там же.
- 24 Мошинский (Конарский) И. Н. Политическая защита в дореволюционных судах // Девятый вал. М., 1927. С. 66.
- 25 Вороницын И. П. Из мрака каторги. Харьков, 1922. С. 21.
- 26 ЦГА ВМФ. Ф. 407. 1906. Д. 78. Л. 102–109.
- 27 Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 436. Карт. 8. Ед. хр. 9. Л. 1об.
- 28 Там же.
- 29 Там же. Л. 2об.
- 30 Там же.

УДК 351.74(470–89)«18/19»

РОССИЙСКАЯ ПОЛИЦИЯ И ЕЕ МЕТОДЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕВОЛЮЦИОННОМУ ТЕРРОРИЗМУ (XIX – начало XX века)

Д.В. Рязанов

Саратовский юридический институт МВД России, кафедра истории и философии
E-mail: redpp@mail.ru

В статье автором рассматривается процесс становления системы противодействия революционному терроризму в России XIX – начала XX в. Развитие террористической

практики в рамках заговорщического направления длительное время опережало развитие полиции, оказавшейся не готовой к противоборству. Проанализированы приемы охраны высших сановников империи и показаны причины их малой результативности. Раскрывается незаконность ряда способов получения информации о планах террористических организаций (доносов, перлюстрации и секретной агентуры). Показано, что слабая эффективность мер во многом определялась низкой

